

Камышев К.Д. Этнокультурная ориентация элит как фактор геополитического развития римско-иранского пограничья I в. до н.э. – III в. н.э. // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2017. – № 3. – С. 59–66. DOI: 10.15593/perm.kipf/2017.3.08

Kamyshev K.D. Ethno-cultural orientation of elites as a factor of geopolitical development of the Roman-Iranian borderland of the 1st century. BC. – 3rd century. AD. *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*, 2017, no. 3, pp. 59-66. DOI: 10.15593/perm.kipf/2017.3.08

DOI 10.15593/perm.kipf/2017.3.08

УДК 94(356)+(37).05-06

К.Д. Камышев

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ЭЛИТ КАК ФАКТОР ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РИМСКО-ИРАНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ I В. ДО Н.Э. – III В. Н.Э.

Рассматривается вопрос дуализма «эллинство – ориентализм» в контексте геополитической ориентации элит буферных государств римско-иранского пограничья в I в. до н.э. – III в. н.э. Автор на конкретных исторических примерах иллюстрирует сложные процессы выбора внешнеполитической ориентации в связи с приверженностью определенной этнокультурной системе. Целью исследования является выявление роли этнокультурной ориентации региональных элит в геополитическом развитии римско-иранского пограничья I в. до н.э. – III в. н.э. К основным задачам относятся: рассмотрение этнокультурного и отчасти культурно-цивилизационного дуализма «эллинство – ориентализм» в римско-иранском пограничье; анализ конкретных примеров внешнеполитической ориентации элит с опорой на этнокультурный фактор; выявление роли данного фактора в истории римско-иранского пограничья в I в. до н.э. – III в. н.э. Основными методами исследования является историографический анализ, в отдельных случаях применяются элементы просопографии, кроме того, привлекается анализ эпиграфических и отчасти нумизматических данных.

Приведены конкретные примеры из истории римско-иранского пограничья, демонстрирующие всю сложность этнокультурной ориентации элит буферных государств. Рассмотрены внешнеполитические приемы и стратегии, связанные с этнокультурными особенностями основных политических акторов региона (Рима и Ирана) в контексте привлечения местных элит на свою сторону. Рассмотрены персональные позиции отдельных личностей, повлиявших на развитие региона в контексте их этнокультурной ориентации (Квинт Лабиев, Лже-Нерон, Митридат VIII, Абдагез). В целом, соглашаясь с историографической концепцией исследователей, что эллинизированные элементы ориентировались на Рим, а ориентализированные – на Иран (Аршакидский и Сасанидский), автор обоснованно доказывает, что ведущим фактором во внешнеполитической ориентации являлся конъюнктурно-геополитический.

Ключевые слова: римско-иранское пограничье, буферное государство, внешнеполитическая ориентация, эллинизм, ориентализм, геополитика, Аршакиды, Сасаниды.

K.D. Kamyshev

ETHNO-CULTURAL ORIENTATION OF ELITES AS A FACTOR OF GEOPOLITICAL DEVELOPMENT OF THE ROMAN-IRANIAN BORDERLAND OF THE 1ST CENTURY. BC. – 3RD CENTURY. AD.

In this article, the question of dualism "Hellenism-Orientalism" is considered in the context of the geopolitical orientation of the elites and the population of the buffer states of the Roman-Iranian borderland in the I century. BC. - III century. AD. The author on specific historical examples illustrates the complex processes of choosing a foreign policy orientation in connection with adherence to a certain cultural and civilizational system. The aim of the research is to reveal the role of the ethno-cultural orientation of regional elites in the geopolitical development of the Roman-Iranian borderland of the 1st century. BC. - III century. AD. The main tasks are: the consideration of the ethno-cultural and partly cultural-civilizational dualism of "Hellenism-Orientalism" in the Roman-Iranian borderlands; consideration of specific examples of foreign policy orientation of elites based on the ethno-cultural factor; revealing the role of this factor in the history of the Roman-Iranian borderland of the 1st century. BC. - III century. AD. The main methods of research are historiographic analysis, in some cases the elements of prosopography are used, in addition, analysis of epigraphic and partly numismatic data is involved.

Specific examples from the history of the Roman-Iranian borderland are presented, demonstrating the entire complexity of the ethno-cultural orientation of the buffer states' elites. The foreign policy receptions and the strategies connected with ethnocultural features of the basic political actors of region (Rome and Iran) in a context of attraction of local elites on the party are considered. In general, while agreeing with the historiographic concept of researchers that the Hellenized elements were oriented toward Rome, and the Iranian-oriented (Arshakid and Sasanid) authors reasonably proves that the geopolitical conjuncture determined the leading factor in the foreign policy orientation. Specific examples from the history of the Roman-Iranian borderland are presented, demonstrating the entire complexity of the cultural and civilizational orientation of the elites and the population of the buffer states.

Keywords: Roman-Iranian borderland, buffer state, foreign policy orientation, Hellenism, Orientalism, geopolitics, Arshakids, Sasanids.

© Камышев Константин Дмитриевич – магистрант кафедры истории и политологии, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», e-mail: robespewr@mail.ru.

Большая часть римско-иранского пограничья находилась на территории, бывшей ранее эллинистическими государствами. Основатель концепции эллинизма И. Дройзен понимал под ним «...распространение греческого господства и образованности среди отживших культурных народов...» [1, с. 5]. Отечественная историческая наука (В.И. Кузищин) трактует его как «...насильственное объединение древнегреческого и древневосточного мира, ранее развивавшихся раздельно, в единую систему государств, имеющих много общего в своей социально-экономической структуре, политическом устройстве, культуре» [2, с. 107]. В состав правящих элит эллинистических государств входили не только потомки греков и македонян, но и представители местной знати, которые в той или иной форме усваивали греческий язык и античный образ жизни. Несмотря на двухсотлетнее господство эллинизма, он не смог укорениться не только среди основной разноплеменной массы ближневосточного населения, но и среди значительной части элиты. Многие ее представители были лишь поверхностно эллинизированы, обладали двойственной системой идентичности. Таким образом, культурные идентификационные основы можно обозначить как эллинизм – приверженность античным стандартам жизни и ценностным установкам. Приверженность традиционным древневосточным стандартам жизни и ценностям условно можно обозначить как ориентализм.

Традиционно считалось, что на Рим ориентировались эллинские или эллинизированные слои населения. Соответственно, опорой Ирана (Парфии, Сасанидов) становились ориенталистски, антиэллинистически настроенные элементы. А.Г. Бокщанин, автор наиболее полного труда о римско-парфянских отношениях, пишет: «Рим – наиболее родственное для массы греческой знати рабовладельческое государство, уже не раз защищавшее интересы греческих рабовладельцев, при подавлении волнений рабов и свободной бедноты явился наиболее приемлемым иноплеменным защитником классовых интересов эллинистических рабовладельцев» [3, с. 250]. Данное утверждение в целом справедливо оценивает ситуацию, сложившуюся на Ближнем Востоке. Но процесс политической ориентации эллинизированных слоев населения на Рим был не столь прямолинейным и однозначным. Часть эллинизированного населения Ближнего Востока придерживалась антиримской ориентации. Митридат VI Евпатор пытался завязать контакты с Парфянским царством, хотя в его эллинофильских убеждениях достаточно трудно усомниться. Более того, Митридат представлял себя защитником греческой цивилизации от римского посягательства, пытался подражать Александру Македонскому. При этом Митридат VI оставался зороастрийцем [4, с. 293]. Кроме того, никогда не забывал о своем Ахеменидском происхождении.

Необходимо также помнить о том, что значительная часть западной Парфии была эллинизированной. Парфянские цари «не были чужды эллинской образованности», греческий язык оставался одним из государственных до конца существования империи, и эллинистические слои населения активно использовались царями в ее управлении. Более того, бывали ситуации, когда пограничными территориями Парфии управляли выходцы из восточных провинций Римской империи. Между 130 и 140 годами Иархай Пальмирский был сатрапом Тильваны, области в малом царстве Мехердата, царя Мисены. Аабей Пальмирский был судьей, или архонтом, в той же местности, а Соад, сын Волиада, занимал пост в Вологезии [5, с. 57].

В качестве иллюстрации приведем следующий факт. В 54 г. до н.э. римские легионы под командованием Марка Лициния Красса вторглись на территорию Северной Месопотамии. Местное население, где значительную часть составляли греки или эллинизированные представители восточных городов, поддерживало римские войска. Только в районе города Ихны парфянский наместник попытался остановить продвижение римлян, но был легко разбит превосходящими силами Красса, да в городке Зенодотия местный правитель Апполоний истре-

бил 100 римских воинов, за что были жестоко наказаны не только он, но и население города (Dio Cassio. Roman History, XL, 13). Принимая во внимание смешанный состав населения месопотамских городов и различную заинтересованность их руководящих слоев в отношениях с парфянами, а также изменение настроений в связи с социальной борьбой в самих городах, факт истребления римского отряда в Зенодотии, по-видимому, приходится считать явлением исключительным на общем фоне доброжелательного отношения эллинизованного населения месопотамских городов к римской армии. В расправе же Красса с населением Зенодотии нельзя не видеть грубую психологическую ошибку, имевшую для римского командующего и его войск самые плачевные последствия [6, с. 47].

До конца I в. н.э. парфяне используют греческий язык и культуру как основные государственные лишь с началом правления Вологеза I (51–78/80 гг. н.э.) в парфянской культуре стали заметны восточные черты, впервые на царских монетах появились арамейские надписи. Г.А. Кошеленко отмечал: «Сложным является вопрос о роли эллинских элементов: с одной стороны, строительство греческих городов должно было сказаться и на культурной жизни Парфии, но, с другой стороны, культура греков – это культура завоевателей, а само возникновение Парфянского государства – это реакция на политическое господство эллинов и даже саму эллинскую культуру» [7, с. 19].

Схожие процессы характерны и для религиозной сферы. С.Б. Болелов утверждает: «... несмотря на многолетнее изучение истории Парфии, до сих пор остается дискуссионным вопрос о религиозной принадлежности парфян. Исследователи не пришли к единому мнению: были ли представители правящей в Парфии династии Аршакидов зороастрийцами либо исповедовали иные религиозные воззрения» [8, с. 44]. Тем не менее постепенно ориентализация правящей знати усиливается. Она достигает своего пика при Сасанидах, которые начали проводить принципиально иную политику, во многом опираясь на консервативно настроенное иранское зороастрийское жречество – магов. Правда, и в Сасанидский период Иран сохранял греческий язык в качестве одного из государственных, особенно в ранний период.

Парфяне в своей внешнеполитической деятельности в римско-иранском пограничье предпринимали попытки создания «своего» греко-римского государства. Данное государство должно было притягивать к себе все эллинизированные и романизированные элементы на Востоке, настроенные против центрального римского правительства. Ярчайшим примером является попытка создания «Державы Лабиена» в Малой Азии. В период гражданских войн в Риме сын бывшего легата Гая Юлия Цезаря, перешедшего на сторону Помпея, Квинт Лабиев выполнял функции дипломатического представителя республиканцев Брута и Кассия при дворе царя Орода II. После поражения республиканцев в гражданской войне между триумвирами Антонием и Октавианом стал назревать серьезный конфликт. Этой обстановкой воспользовались парфяне и предприняли поход в пределы восточных провинций Рима в 40 г. до н.э. Целью данного похода стало создание системы зависимых пропарфянских государств «до Ионии, и Карики» (или так называемое наследство Дария). Существенным элементом данного проекта должна была стать пропарфянски ориентированная «Римская республика» во главе с Лабиевом. Причем в качестве задачи минимум ставилось создание на территории римских провинций Малой Азии «Державы Лабиена». Необходимо указать, что в условиях гражданской войны в Риме контроль одного из политиков над частью государства не являлся исключительной редкостью. В качестве задачи максимум Аршакиды ставили целью утверждение «Парфянского императора» во главе всего Древнеримского государства.

Римляне также неоднократно пытались посадить на парфянский престол своих ставленников, стремясь опереться на наиболее эллинизированные элементы парфянского населения. Наи-

более эллинизированной частью Парфянской империи являлась Месопотамия. Самым крупным эллинистическим полисом на этой территории была Селевкия-на-Тигре. По свидетельству Плиния, на рубеже н.э. количество облагаемых налогами ее жителей достигало 600 тысяч человек. Неоднократно она становилась центром сопротивления политике парфянских царей, направленной на централизацию державы Аршакидов.

Впервые римляне вмешались в во внутрдинастический конфликт в державе Аршакидов в середине 50-х гг. до н.э. между Митридатом III (опиравшимся на римскую поддержку) и Ородом II. Дискуссионным остается вопрос о культурно-цивилизационной ориентации каждой из группировок. Так, советские исследователи А.Г. Бокщанин, Г.А. Кошеленко рассматривали сторонников Митридата как «сторонников капитуляции перед Римом» (опиравшихся на эллинизированные районы Месопотамии), а Орода II как противника античного влияния и «бескомпромиссной борьбы» с Римом, опиравшегося на восточноиранские районы. Е.В. Смыков утверждает, что Ород II опирался на связанный с саками род Сурена, а Митридат мог рассчитывать на помощь кочевого племени сакарауков из среднего течения Аму-Дарьи [9, с. 210]. Исходя из этого можно утверждать, что Митридат III мог опираться и на иранизированные (ориентализированные) слои населения.

В период очередного обострения внутрдинастических конфликтов в державе Аршакидов, в 31 г. до н.э., против Фраата IV восстал Тиридат, бежавший вскоре к римлянам. В 26 г. до н.э. он повторил попытку свержения, которая оказалась более успешной. Причем Тиридат, судя по монетам принявший титул «Филароман» [10, р. 210], был поддержан не только эллинизированным населением, но и частью парфянской знати. Объяснение этому явлению, видимо, надо искать в факте оседания известной части парфян в Месопотамии, где они занимали высокие посты в армии и государственном аппарате. Живя бок о бок с греками, подвергаясь их влиянию, они стали смотреть на многие события глазами греков [11, с. 280]. Фраата IV, опираясь на кочевое население Средней Азии («скифов»), смог разгромить Тиридата и вернуть себе престол.

В 35 г. н.э. был найден новый претендент на парфянский престол – Тиридат, внук Фраата IV, живший в Риме (Tacitus. *Ab excessu...*, VI, 33, 37). Сирийский наместник Вителлий, подкупив многих парфянских вельмож, организовал заговор против Артабана III в пользу римского ставленника Тиридата (Josephus Flavius. *Antiquitates Judaicae*, XVIII, 4, 4). В это время законный парфянский царь Артабан потерпел поражение в Армении и вынужден был бежать.

Между тем новый римский ставленник Тиридат, поддержанный легионами Луция Вителлия, приблизился к Евфрату, вступил в Месопотамию. На его сторону перешли сатрап Месопотамии Орноспад, видный вельможа Синнак и глава группировки парфянской знати, враждебной Артабану III, Абдагез. Все трое привели в лагерь Тиридата отряды парфянских всадников, а Абдагез, кроме того, привез с собою царскую казну и царское облачение. Тиридат и его войско двинулись к Селевкии и Ктесифону. Древние греческие города Месопотамии Никефорий, Антемузия и другие открывали ему ворота без боя. Особенно восторженный прием римскому ставленнику оказало эллинизированное население Селевкии-на-Тигре (Tacitus. *Ab excessu...*, VI, 33-42). В благодарность за лояльность в Селевкии была восстановлена автономия городской общины. Римские легионы покинули пределы Парфии.

Особенно интересна позиция Абдагеза (и его сына Синнака), который был племянником Гондофара – правителя восточного Индо-Парфянского царства с центром в Таксиле. Данное государство образовалось в борьбе с индо-греческими царствами на севере Индостана и опиралось на слабоэллинизированные и периферийные районы Восточного Ирана, которые не придерживались античных стандартов жизни. Более того, после воцарения в Таксиле Абдагез начал использовать в монетной чеканке вместо греческого алфавита пехлеви [12, с. 46].

Тем не менее, несмотря на свои достаточно выраженные ориенталистские ориентации, Абдагез активнейшим образом поддерживает римского кандидата на престол Тиридата.

Эллинофильская политика и проримская ориентация Тиридата настроили многих представителей парфянской знати против нового царя (влиятельные сатрапы Фраат и Гиерон). Как только римские легионы покинули пределы Месопотамии, а Тиридат приступил к захвату Ктесифона, они отправились в восточные районы Ирана. В Гиркании им удалось привлечь на свою сторону свергнутого Артабана и, набрав кочевников, двинуться в Месопотамию. Тиридат, не дождавшись помощи от правителя Элимаиды и Армении, был вынужден бежать. Артабан занял Ктесифон [5, с. 43].

Против возвратившегося Артабана, который еще в 12 г. н.э. сверг Вонона I, воспитанного в Риме и ориентированного на античные стандарты жизни, восстала Селевкия. Первоначально произошли ожесточенные столкновения между греческой, иудейской частью населения и местными уроженцами, которых Иосиф Флавий называет ассирийцами. Все завершилось восстанием эллинизованного населения Селевкии против парфян. Некоторый конфликт между иудеями-ортодоксами, связанными «исторической памятью» с древним храмовым государством, и сторонниками более плотной интеграции в окружающий мир посредством приобщения к античной (эллинистической) культуре существовал практически во всех иудейских общинах I в. н.э. (как в Палестине, так и в диаспоре) [13, p. 105].

В своей внешнеполитической деятельности, начиная с принятия титула «царь царей» (Митридат I), персидского по своему происхождению, парфяне тем не менее опирались на преемственность от Александра Македонского (титул Митридата «царствующий над царями, благодетель, справедливый, славный и любящий эллинов») [14, с. 233]. Так, Гудрун Штайгервальд утверждает, что именно вследствие таких попыток римлян утвердиться за счет романофильских, ориентированных на античные стандарты жителей Месопотамии парфяне стремятся консолидировать различные представления за счет использования Ахеменидского наследия [15, с. 210].

Но далеко не всегда жители эллинистических полисов Месопотамии принимали римлян как освободителей. В 164 году в результате очередной римско-парфянской войны город был захвачен легионами Авидия Кассия, из святилища была унесена статуя Аполлона Комайоса и водружена на Капитолийском холме в Риме. В это время население Селевкии достигало 300 тысяч человек. Мор 165 года, прошедший по всей Римской империи, многие связывали с гневом бога, статуя которого была сдвинута со своего места. Таким образом, сами же римляне уничтожили последние элементы античного влияния в Парфии.

Парфяне также на практике пытались применять «римскую тактику» в пограничных областях, то есть искали претендентов на римский престол в период кризисов власти в Империи. Самозванцы, Лже-Нероны, пытались заручиться поддержкой парфян. Теренций Максим – римлянин родом из Малой Азии, известный как Лже-Нерон, в период правления Тита поднял восстание, которое было подавлено. Он напоминал Нерона как внешне, так и привычками, и действиями, в частности манерой петь под аккомпанемент лиры. Первые последователи примкнули к нему в Азии, их число стало гораздо больше во время его похода к Евфрату. Позже он бежал в Парфию и попытался заручиться поддержкой местных жителей, утверждая (как Нерон), что они в долгу перед ним за возвращение Армении. Артабан IV Парфянский не любил Тита, поэтому принял Лже-Нерона и начал приготовления, чтобы восстановить его в Риме (Dio Cassio. Roman History LXVI.19.3). Иоанн Антиохийский утверждает, что из Рима были присланы непроверяемые доказательства самозванства Теренция (по другой версии – изменилась политическая ситуация), и Лже-Нерон был казнен. Также у Светония упоминается еще об одном самозванце,

который появился в период правления императора Домициана (81–96 гг. н.э.): «И даже двадцать лет спустя, когда я был подростком, явился человек неведомого звания, выдававший себя за Нерона, и имя его имело такой успех у парфян, что они деятельно его поддерживали и лишь с трудом согласились выдать» (Suet. Nero. 19).

Необходимо учитывать, что значительные провинциальные территории, особенно на Востоке, рассматриваемые исследователями как часть ранней Римской империи, управлялись местными династиями. По предположению Фергуса Миллара, «...возможно, 10 процентов (римской провинциальной территории – *прим. автора*) находилось в первую очередь под властью зависимых или полузависимых монархов» [17, р. 230]. Их ликвидация и унификация систем управления, а также жизненных стандартов проходили в течение всего изучаемого нами периода, а в некоторых случаях продолжались и в позднеримский, и даже ранневизантийский периоды (пример киликийского племени исавров, входивших в состав античных государств со времен Александра Македонского и полностью не ассимилированных к VI в. н.э.).

Так, после первой Иудейской войны (66–71 гг. н.э.) римляне попытались обезопасить свои коммуникации в Малой Азии, связывающие их с Сирией и Палестиной. С этой целью император Веспасиан ввел прямое провинциальное управление в небольшом лимитрофном эллинистическом государстве Коммагене. Данное государство традиционно придерживалось проримской ориентации, греки составляли значительный процент населения, большая его часть была эллинизирована, кроме того, Коммагена уже не раз находилась под прямым римским правлением. Несмотря на данные обстоятельства, часть представителей местной эллинизированной знати и царской семьи бежали в Парфию (Josephus Flavius. *Bellum Judaicum*. VII, 7). Ситуация 72 г. н.э. в Коммагене свидетельствует, что эллинистические элементы могли опираться на помощь парфян.

С другой стороны, восточное храмовое государство Хатра, где следы античного влияния незначительны, в 234–235 годах разместило у себя римский гарнизон [12, с. 43, 57], несмотря на то, что к власти в Иране приходит династия Сасанидов, известная своими традиционными ориенталистскими идеологическими устремлениями. При этом в Хатре сохраняются парфянская титулатура, и большая часть делопроизводства ведется на арамейском языке.

Особым феноменом в культурно-цивилизационном аспекте представляется Пальмирское царство, образовавшееся в ситуации внешнеполитического вакуума в римско-иранском пограничье в III в. н.э. Его появление было связано с «кризисом III века» в античном Средиземноморье и утверждением новой династии Сасанидов в Иране. Его правитель Оденат одновременно носит римский титул «корректор Востока» и иранский титул «царь царей». Под его и его преемницы Зенобии властью находятся как бывшие римские провинции, так и территории, входившие до того в состав Персидской империи Сасанидов. В делопроизводстве этого государства используется латинский, греческий и пальмирский диалекты арамейского языка.

Интерес в контексте культурно-идеологического противостояния представляет ситуация в Боспорском царстве. Территориально удаленное от обеих держав, не входящее в зону их прямого взаимодействия, Боспорское царство выполняет роль важного форпоста в безопасности на Кавказе и в Малой Азии. Примечательно, что правители Боспора находились под контролем наместника провинции Вифиния-Понт (север Малой Азии) и управлялись через особого куратора. Необходимо помнить, что основательницей новой династии Боспорских царей была Динамия, дочь Митридата VI Евпатора, придерживавшегося крайней антиримской позиции. Антиримская группировка (за исключением самого Митридата VI Евпатора) на Боспоре не имела прямых контактов с Ираном. Митридат VIII (39/40–44/45 гг. н.э.), решивший открыто выступить против римского владычества, в культурно-идеологическом плане использует

не иранские, а эллинистические атрибуты. На его монетах появляются божественные атрибуты царей новой Боспорской (понтийской по происхождению) династии – Геракла и Посейдона: лук в колчане, палица, львиная шкура и трезубец [18, с. 168]. Во время Боспорской войны 45–49 годов Митридат VIII укрылся у местных сарматских племен сираков. Будучи союзником ираноязычных сарматских племен, Митридат VIII активно пользовался своим дальним родством с иранской знатью империи Ахеменидов (Tacitus. *Ab excessu...* XII. 18).

Можно констатировать, что по крайней мере до конца I в. н.э. среди эллинизированных (в отдельных случаях романизированных) слоев населения и региональных элит в римско-иранском пограничье встречались антиримские настроения. Парфия не воспринималась как исключительно варварское государство, чуждое античной культуре и образу жизни.

Приведенные выше факты свидетельствуют в пользу того, что внешнеполитическая ориентация элит римско-иранского пограничья больше зависела от конкретной конъюнктуры на Ближнем Востоке, чем от культурно-идеологических традиций местной знати и основной массы населения.

Список литературы

1. Дройзен И. История эллинизма. Т. 1. – Ростов-н/Д: Феникс, 1995. – 608 с.
2. Геворкян С.Г. Древняя Армения и эллинистический мир. Ч. 1// Пространство и время. – 2012. – № 2. – С. 105–115.
3. Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. Т. 1. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. – 364 с.
4. Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма / пер. с нем. и вступит. статья Э.Д. Фролова. – М.: Наука (ГРВЛ), 1982. – 391 с.
5. Малькольм К. Парфяне. Последователи пророка Заратустры. – М.: Центрполиграф, 2004. – 192 с.
6. Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. Т. 2. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. – 303 с.
7. Кошеленко Г.А. Родина парфян. – М.: Советский художник, 1977. – 175 с.
8. Болелов С.Б., Мкртычев Т.К. Религии и культы домусульманской Средней Азии (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Путеводитель по экспозиции / Гос. музей Востока. – М., 2013. – 88 с.
9. Смыков Е.В. Сирийское наместничество Авла Габиния // Античный мир и археология. – Саратов, 2006. – Вып. 12. – С. 198–213.
10. Rawlinson G. Parthia. – London. 1893. – 434 p.
11. Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. – М.: Наука, 1979. – 294 с.
12. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / отв. ред. Ю.В. Ганковский. – М.: Мысль, 1982. – 368 с.
13. Hengel M. Judaism and Hellenism. Studies in their Encounter in Palestine during the Early Hellenistic Period. – Philadelphia, 1981. – 335 p.
14. Варданян Р. Борьба за титул «царя царей» в контексте восточной политики Рима I в. до н. э. (по нумизматическим, эпиграфическим и нарративным источникам) // Historical-Philological Journal. – 2011. – № 1. – P. 230–252.
15. Fischer. Weltgeschichte. Das Römische Reich und seine Nachbarn: Die Mittelmeerwelt im Altertum IV / Herausgegeben von Fergus Millar, Illustriert. 25 2002 Januar. – Deutschland, Lissendorf, 2002. – 352 p.

16. Надиров И.И. Хатра. Арабы между Парфией и Римом. – СПб.: Гуманитарная академия, 2009. – 480 с.

17. Millar F. Rome, the Greek world, and the East / Fergus Millar, ed. by Hannah M. Cotton and Guy M. Rogers. p. cm. – Contents: vol. 2. Government, society and culture in the Roman Empire, 2002. – 470 p.

18. Горончаровский В.А. Между империей и варварами. Военное дело Боспора Римского времени. – СПб.: Петербургское востоковедение; М.: Филоматис, 2003 – 224 с.

References

1. Droizen I. Istoriiia ellinizma. Vol. 1. [History of Hellenism.]. Rostov-na-Donu, Izdatel'stvo «Feniks», 1995, 608 p.
2. Gevorkian S.G. Drevniaia Armeniia i ellinisticheskii mir. Chast' 1 [Ancient Armenia and the Hellenistic world. Part 1]. *Prostranstvo i vremia*, 2012, no. 2, pp. 105-115.
3. Bokshchanin A. G. Parfiia i Rim. Vozniknovenie sistemy politicheskogo dualizma v Perednei Azii. Vol. 1. [Parthia and Rome. The emergence of a system of political dualism in the Near East.]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi universitet, 1960, 364 p.
4. Bengtson G. Praviteli epokhi ellinizma [Rulers of the Hellenistic era]. Moscow, Nauka (GRVL), 1982, 391 p.
5. Mal'kol'm Kolledzh. Parfiiane. Posledovateli proroka Zaratustry [The Parthians. The followers of the prophet Zarathustra.]. Moscow, ZAO Tsentrpoligraf, 2004, 192 p.
6. Bokshchanin A. G. Parfiia i Rim. Vozniknovenie sistemy politicheskogo dualizma v Perednei Azii. Vol. 2. [Parthia and Rome. The emergence of a system of political dualism in the Near East.]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi universitet, 1966. – 303 s.
7. Koshelenko G.A. Rodina parfian [Homeland of the Parthians.]. Moscow, Sovetskii khudozhnik, 1977, 175 p.
8. Bolelov S.B., Mkrytchev T.K. Religii i kul'ty domusul'manskoi Srednei Azii (IV v. do n.e. – IV v. n.e.). Putevoditel' po ekspozitsii [Religions and cults of pre-Islamic Central Asia (IV century BC – IV century AD). Guide to the exposition.]. Moscow, Gosudarstvennyi muzei Vostoka, 2013, 88 p.
9. Smykov E. V. Siriiskoe namestnichestvo Avla Gabiniia [Syrian viceroyalty of Avla Gabiia.]. *Antichnyi mir i arkheologiya*. Iss. 12. Saratov, 2006, pp. 198 –213.
10. Rawlinson G. Parthia. London, 1893, p. 434.
11. Koshelenko G.A. Grecheskii polis na ellinisticheskom Vostoke [Greek policy in the Hellenistic East]. Moscow, Nauka, 1979, 294 p.
12. Istoriiia Afganistana s drevneishikh vremen do nashikh dnei. [History of Afghanistan from ancient times to the present day]. Ed. lu. V. Gankovskii. Moscow, Mysl', 1982, 368 p.
13. Hengel M. Judaism and Hellenism. Translation of Judentum und Hellenismus. A revision of the author's Habilitationsschrift, Tübingen, First one-volume edition, 1981, 335 p.
14. Vardanian R. Bor'ba za titul «tsaria tsarei» v kontekste vostochnoi politiki Rima I veka do n. e. (po numizmaticheskim, epigraficheskim i narrativnym istochnikam) [The struggle for the title "king of kings" in the context of the eastern policy of Rome of the 1st century BC. e. (by numismatic, epigraphic and narrative sources).]. *Historical-Philological Journal*, 2011, no. 1, pp. 230-252.
15. Fischer Weltgeschichte. Das Römische Reich und seine Nachbarn: Die Mittelmeerwelt im Altertum IV. Herausgegeben von Fergus Millar, Illustriert, 25 Januar 2002. Lissendorf, Deutschland, 352 p.
16. Nadirov I.I. Khatra. Araby mezhdu Parfiei i Rimom [Hathra. Arabs between Parthia and Rome.]. Saint Petersburg, Gumanitarnaia Akademiia», 2009, 480 p.
17. Millar F. Rome, the Greek world, and the East. Vol. 2. Government, society, and culture in the Roman Empire, 2002, 470 p.
18. Goroncharovskii V.A. Mezhdou imperiei i varvarami. Voennoe delo Bospora Rimskogo vremeni [Between the Empire and the Barbarians: Warfare of the Bosporan in Roman times.]. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie; Moscow, Filomatis, 2003, 224 p.

Получено: 20.06.2017

Принято к печати: 18.09.2017